

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Профессиональная речь юристов как особый социолект в специальной лексике русского языка.

Исполнитель Ханыязов Атабек

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор педагогических наук, профессор

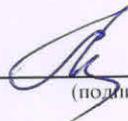
(ученая степень, ученое звание)

Харченкова Людмила Ивановна

(фамилия, имя, отчество)

«**К защите допускаю**»

Заступник кафедры

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

2022 г.

Профессиональная речь юристов как особый социолект в специальной лексике русского языка

Содержание

Введение	2
Глава I. Теоретические предпосылки исследования социолектов.....	5
1.1. Понятие и особенности социолектов	5
1.2. Профессиональная речь юристов в контексте лингвистического изучения.....	13
1.3. Характерные особенности профессиональной речи юристов.....	19
Выводы по главе I.....	30
Глава II. Специфика профессионального социолекта юристов.....	32
2.1. Состав социолекта юристов.....	32
2.2. Анализ лексики, входящей в профессиональную речь юристов.....	40
Выводы по главе II.....	48
Заключение.....	51
Список литературы.....	55
Приложение.....	63

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию лексики, относящейся к профессиональной речи юристов как особому социолекту.

Исследование профессиональной речи представителей той или иной профессии являются одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в последние десятилетия в русском языке происходит постоянное расширение сфер употребления специальной лексики. И профессиональная речь юриста не стала исключением, что вполне закономерно: без юридической сферы невозможно представить полноценное функционирование любой другой сферы жизнедеятельности человека. Безусловно, это не могло не отразиться и на специальной лексике, относящейся к профессиональной речи юристов. Профессиональная речь юристов существенно расширилась: она не ограничивается специальными языковыми единицами юридической терминосистемы, и существенный её пласт представляют профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и другие единицы, относящиеся к различным тематическим аспектам юриспруденции. Всё это привело к тому, что в настоящее время профессиональная речь юристов представляет собой особый вид социолекта, который, несмотря на широкое распространение в сфере повседневности, относится к числу недостаточно изученных феноменов.

Актуальность исследования обусловлена расширением сфер формирования и распространения социолектов и недостаточной изученностью профессиональной речи юристов как особого вида социолекта в специальной лексике русского языка.

Объектом исследования в данной работе является профессиональный социолект юристов.

Предмет исследования – профессиональная речь юристов как вид социолекта.

Цель – исследование лексики, относящейся к профессиональной речи юристов как к особому социолекту.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

1. Изучить понятие и особенности социолектов.
2. Проанализировать факторы актуализации профессиональной речи юриста в контексте лингвистических исследований.
3. Изучить профессиональную речь юристов как разновидность социолекта.
4. Охарактеризовать состав социолекта юристов.
5. Проанализировать группы лексики, входящей в профессиональную речь юристов.

Материал исследования составили:

- 1) работы Н.К. Гарбовского, Е. И. Головановой, М.А. Грачёва, В.М. Мокиенко и др., посвященные исследованию социолектов разных профессиональных групп;
- 2) работы Н.А.Власенко, М.В. Давыдовой, В.Ю.Туранина, Н.Ю. Филимоновой и др., посвященные исследованию профессионализмов и профессиональных жаргонизмов в языке юристов;
- 3) данные лексикографических источников – толковых словарей, словарей специальной лексики, словарей профессиональной речи юристов.

В работе использовались следующие **методы** исследования: индуктивно-дедуктивный метод (наблюдение, анализ, обобщение материала), описательно-аналитический метод, методы компонентного и

дистрибутивного анализа, лексикографический анализ, прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, прием частичной направленной выборки материала из Национального корпуса русского языка, прием статистического анализа.

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование даёт материал для дальнейших теоретических обобщений по проблематике, связанной с особенностями функционирования социолектов в современном русском языке.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы на практических занятиях по разным аспектам русского языка.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой главе «Теоретические основы исследования социолектов в русском языке» в русском языке» рассматриваются понятие и особенности социолектов и специфика профессиональной речи юристов, обосновываются факторы актуализации профессиональной речи юриста в контексте лингвистических исследований.

Во второй главе «Специфика профессионального социолекта юристов» профессиональная речь юристов рассматривается как разновидность социолекта, анализируются тематические группы лексики, относящиеся к профессиональной речи юристов.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Теоретические предпосылки исследования социолектов

1.1. Понятие и особенности социолектов

Термин «социолект» используется, как правило, при характеристике лексической системы, которую употребляет определённая часть социума, та или иная социальная группа. Появление данного термина связано с исследованиями социального аспекта живой речи. Данный аспект обратил на себя внимание лингвистов в 20-30-х гг. XX века. Тогда появился термин «социальный диалект» и сформировалось такое направление, как социальная диалектология, основы которой отражены в трудах В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Н.М. Каринского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова и др. Так, в статье «Язык как социальное явление» М.Н. Петерсон, обращаясь к проблеме социально-диалектного дробления языка, подчеркнул, что возникновение и существование социальных диалектов («специальных языков», по его терминологии) естественным явлением, как и существование территориальных диалектов, «различие заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты, а один над другим» [16, с.14].

В целом же, отличительным признаком социолекта, по мнению многих исследователей, является его связь с процессом номинации. В социолекте можно обнаружить основные варианты наименований каких-то предметов и явлений (внутриязыковая характеристика), что подвергается называнию (когнитивный признак) и почему это происходит (причина номинации).

Социолект является единицей исследования прежде всего в социолингвистике. Понятие «социолект» стало предметом исследования в работах таких учёных, как О.А. Анищенко, Э.М. Береговская, Н.Л. Глазачева, Т.И. Ерофеева, О.А. Коломеец, В.П. Коровушкин, Крысин, В.М. Мокиенко, О.А. Морозова, Л.С. Патрушева, А.Н. Петров, В.В. Рюмин и др. Введено данное понятие было Т.И. Ерофеевой, которая под социолектом понимает

язык любой группы или коллектива, при этом уточняя данное понятие следующими утверждениями: «В термине социолект социальное понимается в условно-расширительном значении. Строго говоря, феномен речевая общность того или иного коллектива следует обозначить как биосоциопсихолект, но для краткости лучше обратиться к термину социолект. В понятие социолект включается понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. С этой стороны, социолект – это речь “среднего индивида”, представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект – инвариантная социально-маркированная подсистема языка» [11, с. 21].

Однако язык не сводим только к коду, что особенно важно учитывать при взаимодействии представителей разных культур. Е.Ф. Тарасов напрямую связывает проблемы межкультурного общения, как и проблемы речевого общения в целом, с темой языкового сознания, определяя знаковое общение, в том числе и речевое общение, как процесс оперирования образами сознания, на которые коммуниканты указывают при помощи тел знаков (означающих). В этом случае общность языковых сознаний становится необходимой предпосылкой речевого общения, а неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнерами друг друга из-за их принадлежности к разным национальным культурам. Далее автор делает вывод, что «межкультурное общение – это случай функционирования сознания в аномальных (“патологических”) условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» [40, с. 30]. Вслед за Е.Ф. Тарасовым под языковым сознанием мы понимаем «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [39, с. 3].

Одним из первых об общении как о воздействии именно на образ мира собеседника говорил А.А. Леонтьев: «Общение, коммуникация – это в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника (ситуативный, фрагментарный и в то же время непосредственный, то есть образ “большого” мира, или глобальный, но выключенный из реальной деятельности и реального переживания этого мира, то есть образ “малого” мира, мира абстракций). Соответственно усвоение нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры.

Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения» [21, с. 72].

Для нашего исследования также очень важна мысль А.А. Леонтьева о наличии инвариантных образов мира: «Можно наряду с индивидуальными вариантами говорить о системе инвариантных образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, а не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми. С теоретической точки зрения, таких инвариантных образов мира может быть сколько угодно – все зависит от социальной структуры социума, культурных и языковых различий в нем и т.д. В последнее время возникло даже понятие “профессионального образа мира”, формирование которого является одной из задач обучения специальности. Вообще процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира и способного служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нем.

Так или иначе, наше знание о мире неразрывно с нашей деятельностью в мире, нашим диалогом с миром...» [Там же, с. 273].

В.Ф. Петренко при выделении категориальных структур сознания говорит, что «вариативность картины мира, присущей субъекту, специфицирует не только различные национальные, культурологические общности, но и различные социальные, профессиональные, возрастные группы, и далее – уже в области психологической науки – можно говорить о специфике мировосприятия конкретной личности, о присущих ей способах категоризации действительности, о специфическом, индивидуальном “языке личности”» [25, с. 38].

Полное представление о сущности социолекта было получено в ходе дисперсионного анализа силы влияния различных факторов (пола, возраста, образования, специальности и др.), т.е. с помощью статистической процедуры, основанной на измерении вариаций результирующего признака. Такими признаками выступили параметры единиц лексического, синтаксического и супraseгментного уровней. Все факторы оказались значимыми на разных уровнях, однако в рамках нашего исследования мы акцентируем внимание на факторе «специальность», который исследовался Т.И. Ерофеевой только на лексическом уровне и, что примечательно, «для всех единиц этого уровня оказался значимым» [10]. По утверждению Т.И. Ерофеевой, исследование показало, дисперсионный анализ позволил получить лингвистическое осмысление «одного из важнейших концептов социальной диалектологии – социолекта», и именно специфика данного анализа «позволила определить функционирование результирующего признака в группах объектов, объединенных по какому-либо фактору, и перейти от характеристик единичного объекта к характеристикам групп», т. е. «это позволило отойти от исследования идиолекта и перейти к исследованию социолекта, т.е. увидеть в триаде общее – особенное – частное специфику социолекта как особенного феномена» [Там же].

Т.И. Ерофеева предлагает в качестве составляющих, формирующих социолект, рассматривать страты, под которыми она понимает «основополагающий, цементирующий признак определенной общности (группы) людей, который может иметь и социальную, и биологическую, и психологическую природу» [11, с. 22]. Важным методологическим замечанием является определение социолекта с точки зрения стратификации. В этом случае, по мнению автора, «социолект – это набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой, а стратификация языкового коллектива выступает тем методологическим подходом, который позволяет анализировать закономерности речевого поведения человека в реальных жизненных условиях» [Там же].

Как мы уже говорили, расслоение общества приводит к появлению все большего количества языковых вариантов, социолектов. При этом важно понимать, что людям с разным социальным опытом, принадлежащим к разным культурам, группам, сложно понять друг друга в силу того, что одними и теми же знаками (в нашем случае словами) с большой вероятностью могут скрываться разные образы.

Можно выделить несколько вариантов соотношений между образом и знаком: один образ – один знак (как правило, это термин); один образ – два и более знаков (обозначение одной реалии в разных языках или вариантах языка); образ – отсутствие знака (новые вкусовые или другие телесные ощущения, которые очень сложно описать); знак – отсутствие образа (незнакомое слово, определение которого неизвестно, лакуна).

Основная проблема межкультурной коммуникации – это возможность и степень понимания, проникновения в иной образ мира. По мнению Е.Ф. Тарасова, для речевого общения необходима общность сознаний коммуникантов, которая состоит в общности знаний о мире и общности знаний о языке, а эта общность формируется при присвоении идентичной этнической культуры и при овладении одним и тем же национальным языком

[39, с. 28]. Это значит, что для взаимопонимания представителей разных групп, использующих социолект как средство коммуникации, важно понимание того, какой образ стоит за тем или иным знаком. «Сегодня можно говорить о том, что социолектом является и язык пользователей интернет-ресурсов, так называемых «юзеров», в наши дни завоевывающий и внесетевое пространство» [42, с. 128]. «Нетрудно заметить, что многие слова и выражения в социолекте пользователей Интернета заимствованы из речи компьютерщиков, сфера деятельности которых способствует формированию особенного средства взаимодействия. Компьютерный сленг, жаргон, социолект (можно по-разному называть это явление), с одной стороны, отражает особый образ мира» [Там же]. Таким образом, можно говорить о том, что в наши дни средством общения всё чаще становится социолект как форма, вариант языка, принятый в том или ином сообществе.

Социолект всегда отражает особенности субкультуры (национальной, гендерной, корпоративной и др.). Знаки, составляющие социолект, могут быть непонятны носителям иных культур по двум причинам: первая причина – использование особого кода; вторая – различия в образах мира.

Всё чаще в Интернете появляются любительские варианты словарей социолектов, представляющих такие дефиниции понятий, которые могут вызывать затруднения. Однако, наибольшую опасность, по мнению специалистов, «представляют знаки, которые обозначают разные образы. В последнем случае можно столкнуться с псевдокоммуникацией, когда каждый понимает слова по-своему, опираясь на собственный культурный опыт» [Там же, с. 134]. Ввиду этого «социолект можно рассматривать прежде всего как средство межкультурной коммуникации» [Там же].

В настоящее время внимание к исследованию социолектов особенно усилилось, что вполне закономерно ввиду расширения сфер употребления социолектов. Кроме того, особенно привлекает внимание лингвистов изучение лексики, употребляющейся в речи представителей той или иной

профессии, являющейся неотъемлемой составляющей определенного социолекта, который, в свою очередь, имеет отношение к специальной лексике.

Проблематика социолектов русского языка отражена в работах таких социолингвистов, как В.Д. Бондалетов, В.М. Жирмунский, Л.П. Крысин, Ф.П. Филин и др. Среди исследований, описывающих специфику социолектов других языков, выделяются работы таких лингвистов, как Х. Кубчак, С.В. Перепечкина, А.Д. Петренко, Л.И. Прокопова, В. Штайниг и др.

Понятие социолекта, как отмечает С.В. Перепечкина, связано с вариативностью, которая основывается на социальном расслоении общества и в языковом отношении проявляется в употреблении языковых единиц и структур, отличающих определённую социальную группировку и речевую ситуацию [24, с. 55].

Лингвисты отмечают, что исследование социолектов заключается в изучении и описании:

- во-первых, «вертикальной», то есть социальной, стратификации языка (например, язык домохозяек, рыбаков, солдат, строителей, юристов, студентов, преподавателей и др.);
- во-вторых, ситуативной вариативности языка (т. е. выбор членами одной социальной группировки тех или иных языковых средств в зависимости от ситуации общения) [Там же].

Кром того, лингвисты обосновывают невозможность территориального разграничения как основного критерия в исследовании социолекта несовпадением границ разделения языка на диалекты по географическому признаку с границами разделения языкового сообщества на группы, члены которых объединены рядом социальных признаков и нередко общими интересами. Вместе с тем учёные не исключают и наличие явных наслоений на социолект, обусловленных «влиянием территориального происхождения

говорящего, его принадлежностью к той или иной диалектной зоне» [Там же].

Для социолекта характерны следующие признаки [Там же, с. 56].:

- средство общения представителей определенной социальной группировки;
- экономическая обусловленность, формирующая социальносословные классы;
- социальная маркированность и социальная ограниченность;
- возрастная, групповая и половая обусловленность;
- ситуативная обусловленность;
- наличие функционально-стилистических особенностей в речи, соотносящихся с социальными характеристиками говорящих и коммуникативной ситуацией;
- некодифицированная норма языкового общения;
- сходство с литературным языком по всем языковым уровням и наличие своей социолектной нормы.

Перечисленные признаки выделяют социолект среди двух других лингвистических понятий – диалект и идиолект, – которые имеют с анализируемым феноменом немало схожих характеристик.

Таким образом, под социолектами понимается разновидность языка, характеризующаяся её использованием в пределах определённой социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной.

1.2. Профессиональная речь юристов в контексте лингвистического изучения

Изучение профессиональной речи юристов является одним из актуальных направлений в лингвистических исследованиях. Этой проблематике посвящены работы таких исследователей, как Л.С. Бурдин [19], Н.Д. Голев [6], М.Б. Киракосян [14], Г.В. Кубиц [18], А.М. Кузнецов [19], Н.М. Лазарева [20], Н.В. Солнцева [19], З.К. Тарланов [41], Е.В. Юдина [46] и др.

В профессиональной речи представителей той или иной профессии есть свои определённые различия, которые характеризуют использование языковых единиц. Исследователи при этом подчеркивают значимость социальных характеристик говорящего – возраст, гендерную принадлежность, уровень образования и культуры, профессию. Именно такие характеристики оказываются существенными в использовании языковых средств [16, с. 80-81].

Как известно, наиболее существенное влияние на использование языковых средств оказывают социальная роль говорящего и адресата и вхождение индивида в так называемые малые социальные группы, в том числе в группы, объединённые определённой профессией. При этом один из ярких образцов речевой специфики той или иной группы, ее отличий от иных социальных общностей – групповые шаблоны речи. В этой связи исследователи подчёркивают, что «подобно тому, как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определённые стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к выработке определенных речевых шаблонов» [Там же, с. 86]. В качестве речевых шаблонов «могут выступать отдельные языковые единицы, фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или

иных речевых актов, также отражающие коммуникативный опыт данной группы, цитаты – как из устных высказываний кого-либо из членов группы (в частности, лидера), так и из литературных произведений. При этом шаблон – вопреки своему названию – используется, как правило, в эмоциональном контексте, специально (шутливо, иронически, с пародийными целями и т.п.) обыгрывается; тем самым к нему привлекается внимание окружающих. Использование таких языковых единиц характерно и для разных групп, в том числе групп, которые формируются на основе общности профессиональных интересов, и речевые шаблоны определённой профессиональной группы отличают данную группу от всех других. В этом плане профессиональная речь юристов представляет особый вид социолекта.

Поскольку юридическая сфера тесно связана со всеми сферами деятельности человека, неудивительно и внимание лингвистов к языку данной сферы и даже появление отдельной научной дисциплины – юрислингвистики. Становление и развитие юрислингвистики стало результатом интеграции лингвистических и юридических знаний. Основателем юрислингвистики в России считается Н.Д. Голев, а сам термин «юрислингвистика» был введен в 1999 г. коллективом ученых Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета, созданной по инициативе Н. Д. Голева.

Объектом юрислингвистики является взаимоотношение языка и закона и прежде всего отношение языка к закону (юридический аспект языка). Юридический аспект языка охватывает те естественные языковые проявления, которые «сами в себе» содержат элементы права, в каждом из которых можно увидеть определенные потенции юридизации. Говоря о юридизированных проявлениях естественного языка, автор подразумевает, прежде всего, языковые нормы, как стихийные, так и – особенно – кодифицированные. В определенном смысле их приближение к юридической сфере означает необходимость достаточно высокой степени канонизации

естественных «прав» языка и носителей языка. В антрополингвистическом (социальном) плане здесь подразумеваются права пользователей языка на удобное (недискриминационное) пользование им.

Кроме того, в сферу юрислингвистики входят те закономерности естественного языка, которые лежат в основании текстов законов, во многом определяющих как их создание, так и применение в юридической практике.

С позиций лингвистики в рамках первого аспекта рассматриваются процессы, ведущие к юридизации языка и отношений людей по поводу языка. Предпосылки и возможности юридизации языка (и социальных отношений между его носителями) вытекают из самого языка и определяются им – его собственными особенностями, законами и нормами. Второй аспект определяется как металингвистический аспект юридического языка.

В первом аспекте язык и носители языка – субъекты и объекты права, во втором аспекте язык представлен как средство, с одной стороны, создания и понимания закона (законотворческая и интерпретационная функции естественного языка в юридической сфере) и, с другой стороны, применения закона, где язык – предмет или средство экспертизы (лингвоэкспертная функция практического знания языка и теоретических знаний о языке, требующих обращения к специальной лингвистической компетенции).

Вторая важная сторона данного вопроса состоит в различении юрислингвистики и лингвистики, естественного языка и языка юридического. В этой связи Н.Д. Голев подчеркивает, что лингвистика традиционно изучает функционирование языка в различных сферах – политической, психологической, в сфере идеологии, разных жанрах литературы, в том числе и юридической. Во всех социальных сферах лингвистика рассматривает функциональные разновидности языка как социолекты; в этом случае лингвистика как бы отвечает на вопрос: как ее

объект язык – развивается и функционирует в различных социальных или профессиональных условиях. И даже тогда, когда лингвисты дают рекомендации по использованию русского языка в профессиональной сфере юристов, они не выходят за рамки собственно лингвистического предмета.

Между тем, по убеждению Н.Д.Голева, «углубленное влияние лингвистики на юридическую сферу возможно лишь при таком моделировании юридического языка и речи, которое исходит именно из их специфики как отправной точки теоретических описаний или практических рекомендаций. Такой подход и должен определять юрислингвистику» [6, с. 20].

Чистая лингвистика «за точку отсчета берет сам язык (его закономерности и нормы) и рассматривает его функционирование хотя и в особой среде, но тем не менее в такой среде, в которой реализуются обычные нормы. Они могут претерпеть определенные изменения в экстенсивно-количественном плане (появляются новые термины, активизируются или ослабляются в функциональном отношении определенные сферы лексики или синтаксические конструкции, вырабатываются новые смыслы у общенародных слов и т.п.), но качественные изменения норм, значений и т. п. трактуются, исходя из первичной языковой основы, сохраняющей роль первичных норм, функций, значений, форм и – соответственно – роль моделирующего основания при рассмотрении юридического языка» [19, с. 6].

По этой причине большинство работ лингвистов в юридической сфере имеет лишь косвенное отношение к юрислингвистике. Например, во многих исследованиях юридические тексты выступают в роли обычного материала для лингвистического исследования, предметом которого является язык как таковой, «сама же специфика, качественное своеобразие юридической сферы использования языка не становится непосредственным предметом исследования, выделение юридической сферы (подсистемы) языка как

отдельности в таком случае не предполагается. То же самое касается рекомендаций лингвистов по оформлению текстов законов» [Там же, с. 7].

В свете всего сказанного понятно, что для лингвистики наибольший интерес представляют те работы лингвистов, в которых, при глубоком понимании особенностей устройства и функционирования естественного языка, специфика юридического языка рассматривается как исходный принцип его описания. Такова, например, статья Ч.Дж. Филлмора «Об организации семантической информации в словаре». В ней автор исходит из убеждения, что «юридический язык представляет интерес для лингвистов как самостоятельная система» [53, с. 60]. В частности, специфика «жесткой» семантизации терминов в юриспруденции дает основание автору поставить вопрос о глубине различий семантики слова естественного языка, принципиально не обладающей такой жесткостью, и этого же слова в юридическом языке: «является ли юридический подъязык в конце концов естественным языком (и поэтому теория лингвистической семантики должна содержать принципы объяснения и такого рода систем), или же юридический подъязык – это некий искусственный язык, и лингвистам незачем тратить на него свое время» [Там же, с. 56]. Применительно к отдельным словам-терминам в их лексикографическом аспекте это означает: должны ли давать юристы свои собственные определения, не считаясь с лингвистическими определениями естественно сложившихся значений, считать ли значения терминов первичными, «единственно правильными», а все прочие – бытовыми; «или же нам следует считать, что одно и то же слово в одном и том же значении может иметь разные семантические описания (все в одинаковой мере правильные), служащие разным целям?» [Там же]. Последняя точка зрения представляется автору более предпочтительной для юрислингвистики (и соответствующей современным представлениям о функциональных разновидностях языка), поскольку она не разрывает язык на

совершенно автономные подсистемы и не затушевывает их качественные различия.

Вдохновляясь идеями Ч. Филлмора, Н.Д. Голев очерчивает предмет юрислингвистики как органически вырастающий из лингвистического предмета и «дорастающий» до состояний, невыводимых в полной мере из естественного языка. Несмотря на обычную для лингвистики постановку вопроса о еще одном социолекте, «в нем – юридическом социолекте – явственно обнаруживаются такие специфические черты функционирования языка, которые не могут быть квалифицированы лишь как количественно-экстенсивные функциональные отличия. Юридическая сфера обуславливает глубокие качественные изменения естественного языка, которые и обосновывают необходимость и возможность выделения юрислингвистики как самостоятельной лингвистической отрасли знаний» [19, с. 8].

В частности, учёные заметили, что традиционные лингвистические понятия в юридическом языке разворачиваются в другой плоскости, пока мало известной лингвистам. Так, традиционные лингвистические понятия «экспрессивная лексика», «ненормативная лексика» или «оценочная лексика» могут успешно функционировать в языке права лишь в том случае, если будут спроецированы (причем достаточно жестко, определенно) на шкалу «инвективное/ неинвективное», а данная шкала, в свою очередь, будет увязана со статьями законов, регулирующих права личности по защите чести и достоинства» [Там же].

Из сказанного следует, что «участие лингвистов в правотворчестве должно способствовать оптимальному переводу естественного языка на язык юридический, в существенной мере условный по отношению к языку естественному. Последний момент «чистой» лингвистике признать трудно, но ее задача состоит не в отрицании условностей юридического языка, а в преодолении тенденции к их абсолютизации» [Там же, с. 8]. «Такой баланс – как утверждает Н.Д. Голев, – должен устраивать обе стороны: и лингвистику,

и юриспруденцию – и в этом заключается одна из главных теоретических и практических целей юрислингвистики» [6, с.27].

Профессиональная речь юристов в результате рассматривается как особый вид социолекта – юридический социолект, в котором обнаруживаются такие специфические черты функционирования языка, которые отличаются не только количественно-экстенсивными функциональными особенностями, но и обусловленными юридической сферой глубокими качественными изменениями естественного языка. Это становится очевидным при осмыслении особенностей профессиональной речи юристов, которые рассматриваются в следующем параграфе.

1.3. Характерные особенности профессиональной речи юристов

Речь юриста, как какая-либо другая специализированная речь должна обладать и обладает на практике рядом особенностей, позволяющих среди представителей разных профессий идентифицировать именно юриста.

Но при этом стоит отметить, что качественно распоряжаться юридической речью может только опытный и квалифицированный юрист, обладающий достаточным запасом знаний как в сфере юриспруденции, так и в других сферах общественной жизни. На наш взгляд, основными особенностями юридической речи являются следующие постулаты:

1. Речь юриста в большинстве передает слушателям определённые знания полезные для него и содействует плавному переходу их в убеждения.
2. Юридическая речь учит, воспитывает, произносится с целью влияния на слушателя и аудиторию, на их мнения, интересы, настроение, чувства и поведение.

3. Чтобы достичь цели своего выступления юрист должен обладать высокой речевой и умственной культурой. Юридическая речь должна иметь научное содержание, соответствовать правовым нормам.
4. Идеальная речь юриста по форме - логична, ярка, образна.
5. Юрист, произносящий речь, должен обладать умением связывать умело содержание произносимого с жизнью, принимать во внимание запросы и состояние аудитории, эффективно пользоваться языковыми средствами выразительности (интонации, ударения, паузы и т. д.).

Конечный успех выступления юриста и его речи будет зависеть от его профессионального опыта, знаний, владения материалом, искренности, выдержки, самообладания, умения правильно внешне выразить свои чувства.

На наш взгляд, юрист должен быть человеком, безупречно владеющий нормами литературного языка, у которого общее образование идет впереди специального. Юрист ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять по ним нужное решение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей. Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседников. Значит, язык это профессиональное оружие юриста. И вопросы культуры речи юриста поднимаются самой жизнью, практической необходимостью [1, с.45].

Обязанность юриста выражать свои мысли профессионально и грамотно в соответствии с нормами литературного языка подчеркивается высоким и ответственным статусом права. Исследователи подчёркивают, что для юристов необходимо широкое фундаментальное общее образование [4, с.27]. Юридическое образование рассматривается как составляющая гуманитарного образования, целью и результатом которого является всесторонне развитая личность. Культура речи является одной из составных

частей правовой культуры. Юрист, безусловно, должен обладать способностью логически верно, грамотно, аргументированно и ясно строить устную речь. В работе З.А. Алимйрзаевой приведён ряд выводов, сделанных в результате анализа судебных актов и стенограмм. Исследователь констатирует, что в судебных актах и стенограммах зачастую допускаются не только юридические, но и речевые, грамматические, орфографические, пунктуационные ошибки [Там же]. Так, в ходе данного анализа З.А. Алимйрзаева выявила следующие типичные языковые ошибки [Там же]:

1. Нарушение лексической сочетаемости. Например: «сделка заключена» (правильно: сделка совершена), «договор совершен» (правильно сказать: договор заключен), «оплатить задолженность» (правильно: погасить задолженность), «нарушение законных прав и интересов» (правильно: нарушение прав и законных интересов; незаконных прав не бывает) и др.
2. Многословие. Например, употребляются следующие словосочетания: «несовершеннолетние граждане» (правильно: несовершеннолетние), «правопреемником общества после его реорганизации путем преобразования является...» (правильно: правопреемником общества после его преобразования является...).
3. **Тавтологические конструкции.** Так, в судебных актах встречаются фразы: «Федеральный закон Российской Федерации» (правильно: «Федеральный закон», если он принят после 12.12.1993 г., или «Закон Российской Федерации», если он принят до 12.12.1993 г.), «федеральные органы Российской Федерации» (правильно: федеральные органы).
4. **Употребление разговорно-просторечных слов:** «проплатил», «закуп товара», «пролив квартиры» и т. д.

Также необходимо отметить, что речь в деятельности юриста выступает как носитель информации и как средство воздействия.

Воздействие при помощи речи можно классифицировать на различные типы. Так, существует воздействие человека на человека, а также человека на группу лиц и т.д. Исследователи считают, что профессиональная речь юриста является, в основном, средством воздействия человека на человека и человека на группу [1].

Достижению профессиональной ясности в речи юриста могут способствовать глубокие знания в материале, четкость композиции речи, а также логичность изложения. Кроме того, профессиональная речь юриста должна изобиловать убедительностью приводимых аргументов. В основном, неясность речи приходится на низкую культуру мышления и нечеткое знание материалов дела. Зачастую речь становится неясной из-за использования заимствованных иностранных слов, словосочетаний и специализированных терминов, например, «моему подзащитному инкриминируется...» и т.д. Также в профессиональной речи юриста избыточность может проявляться при употреблении слов, которые ничего не прибавляют к содержанию высказывания, даже в узком контексте. Примеров использования в речи юриста может быть фраза: «незаконное растаскивание государственного имущества (может ли быть растаскивание государственного имущества законным?)» и т.д. [Там же, с. 46].

Следовательно, юрист должен быть крайне точен в своих словах, а также при выражении норм права, обозначения действий обвиняемого, а также при обосновании квалификации преступления. Как считает М.А. Канафина, важнейшим качеством речи, определяющим ее эффективность, является правильность, предполагающая соблюдение общепринятых норм русского литературного языка. Зачастую юристами нарушаются синтаксические нормы, например «не касались к нему», «Согласно объяснения», «согласно закона» и т.д. Также повышению эффективности профессиональной речи юриста мешает и нарушение синтаксических норм

русского языка, например *«Уже находясь в местах лишения свободы ему исполнилось 18 лет...»* [13, с.17].

Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием четких формулировок, отсутствием лишних слов, не несущих информации, отсутствием многословия и лишних, неуместных мыслей. Ошибкой является многословие: Подсудимый был в совершенно нетрезвом состоянии или Иванов всякий отзывается только положительно на просьбы своих соседей, где они живут вместе.

При разговоре юрист и собеседник ждут друг от друга определенных действий. Именно это и оказывает влияние на их речь. Стоит отметить, что при общении с юристом у собеседника зачастую первоначально возникает психологический барьер, поэтому развитие речи юриста является необходимым условием успешной коммуникации. Ведь от того насколько правильная речь у юриста будет зависеть преодоление этого барьера. Можно сказать, что лучшим методом здесь является высказывание своего одобрения собеседнику и образование положительной реакции с его стороны. Ведь согласие-это желанное явление, которое не содержит элементы конфликта. Именно поэтому напряжение должно быть снято посредством грамотной культуры речи юриста. [8, с.1]

Для позитивной беседы речь юриста должна соответствовать двум принципам первого этапа – снятие психологических барьеров и уменьшение напряжения, которые объединяются в одну функцию, которую можно назвать как подготовка основы для последующего контакта. Основные факторы первого этапа можно поделить на отрицательные и положительные.

Положительные – факторы, которые вызывают одобрение у клиента.

Выделяются:

а) частота согласий:

- б) их взаимность и совпадение;
- в) очередность согласий обеих стороны.

Отрицательный фактор – это непосредственно настороженность, которая определяет возникновение барьеров.

Когда собеседник услышит согласие с ним, с его точкой зрения, он воспримет это как успех. Частота согласий такого рода закрепляет стиль общения. Постоянство согласий создаст у собеседника состояние удовлетворенности действиями.

В правильной речи юриста должна присутствовать оценка таких проблем, с которыми нельзя не согласиться. Как правило, это общие для определенной группы суждения.

Речь юриста, обладающая всеми перечисленными в статье качествами, воспринимается как воздействующая. Только при этом условии она может выполнять свою высокую общественную функцию.

Таким образом, речь занимает особое место в профессиональной деятельности юриста. Главная задача грамотной профессиональной речи юриста – исключить моменты, которые вызывают напряжение, психологический барьер. Юрист должен пытаться соглашаться с высказываниями собеседника и получать его согласие.

По убеждению А.Ф. Кони, юрист должен быть человеком, безупречно владеющий нормами литературного языка, у которого общее образование идет впереди специального [2, с. 89]. Юрист ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять по ним нужное решение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей. Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседников. Значит, язык это профессиональное оружие юриста. И вопросы культуры

речи юриста поднимаются самой жизнью, практической необходимостью. Речь в деятельности юриста выступает как носитель информации и как средство воздействия. Воздействие при помощи речи бывает разных типов: воздействие человека на человека, человека на группу лиц, человека на аудиторию и др.

Речевая деятельность работника юридического труда – это главным образом воздействие человека на человека и человека на группу. Изучение практики показывает, что, во-первых, звучание речевого голоса не может рассматриваться вне связи с общим поведением человека, во-вторых, развитие речевого голоса неотделимо от индивидуальности личности, в-третьих, воспитание речевого голоса нельзя рассматривать только как работу над голосовым аппаратом и, в-четвертых, голосовой аппарат необходимо тренировать не только специальными упражнениями, но и в обыденной речи [46, с. 98].

Основной значимой единицей речи является слово. Функция слова – называть предметы, их качества, действия, состояния, различные явления действительности. Как название слово соотносится с явлениями окружающей жизни, конкретными (*судья, протокол, обвиняемый*) и абстрактными (*преступность, преступность, правопорядок, правосознание*). Эта соотнесенность с определенным явлением, исторически закреплённая в сознании говорящих, называется лексическим значением слова [45, с. 241].

Качество юридической речи в первую очередь зависит от точного словоупотребления. Для того чтобы в каждом конкретном случае правильно и точно выбрать слово, необходимо знать его значение, смысловые связи с другими словами. Искусно построенная речь юриста также зависит от многих качеств, таких, как ясность, точность, логичность, уместность, правильность, индивидуальность.

Ясность в речи юриста достигается глубоким знанием материала, четкой композицией речи, логичностью изложения, убедительностью аргументов.

Речь становится неясной вследствие нечеткого знания материалов дела, низкой культуры мышления. Довольно часто речь становится неясной из-за использования в ней иноязычных слов и узкоспециальных терминов, например, «моему подзащитному инкриминируется...» и т.д. Речевая избыточность может проявляться в употреблении слов, ничего не прибавляющих к содержанию высказывания, даже в узком контексте: незаконное растаскивание государственного имущества (может ли растаскивание быть законным?), обмен имеющимся опытом, прожить всю свою жизнь в деревне и т.п.

В речи юриста точность выбора слов играет важную роль при выражении норм права, при обозначении действий обвиняемого или подсудимого, при обосновании квалификации преступления [37, с. 152].

Точность слов создается при употреблении юридических терминов и клише: мотивы преступления, а не побуждения: возбудить уголовное дело, а не начать: дело выделено в отдельное производство, а не в самостоятельное: применить меры пресечения, а не принять и др. П.С. Пороховщиков советовал судебным ораторам запомнить, что одно неудачное выражение может извратить мысль, сделать трогательное смешным, значительное лишить содержания, как в данном случае, когда прокурор, поддерживая в открытом процессе обвинение в убийстве, сказал, что подсудимые «откололи такое». Нарушение точности приводит к тому, что представления понятия искажаются [27, с. 89].

Логичность в лингвистике определяется как выражение в смысловых связях компонентов речи связей и отношений между частями и компонентами мысли. Так, употребляя слова «прокурор и адвокат», мы

различаем эти понятия по основным признакам: прокурор поддерживает государственное обвинение в суде, адвокат защищает права подсудимого; причем представляем их обобщенно, без индивидуальных характеристик. Преступление вызывает в нашем сознании понятие о нем как о негативном, противоправном явлении вообще, без конкретизации его видов.

Важным качеством речи юриста является уместность. Уместная речь обладает следующими признаками:

1. Соразмерностью языковых средств и содержания, то есть слова должны точно передавать то или иное содержание. Например, определяя степень тяжести причиненного телесного повреждения, не следует выражать мысль приблизительно: очень тяжелые повреждения, нужно использовать юридический термин «тяжкие телесные повреждения».
2. Соответствием языковых средств обстановке и служебному положению. В доме, в котором горе, неуместно приветствие «Добрый день!»; Адвокат в своей речи употребляет просторечие: «Первая судимость у нее левая». Юристу необходимо употреблять слова в соответствии с обстановкой и своим служебным положением. Одним из основных качеств речи, определяющих ее эффективность, является правильность, которая предполагает соблюдение общепринятых норм литературного языка. Довольно часто юристами наблюдаются нарушения синтаксических норм, в частности норм управления: *не касались к нему, согласно объяснений* и т.д. Неумение пользоваться деепричастными оборотами также нарушает синтаксические нормы: *Уже находясь в местах лишения свободы ему исполнилось 18 лет.* Следует помнить, что деепричастный оборот всегда обозначает добавочное действие подлежащего. Значит, исправить ошибки можно путем замены деепричастного оборота придаточным предложением: *Ему*

исполнилось 18 лет, когда он находился...; В высказывании «Я была замужем, но муж исчез в просторах нашей родины» нарушена стилистическая норма. Словосочетание *«в просторах нашей родины»* характерно для публицистической речи, поэтому неуместно в показаниях подсудимой.

Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием четких формулировок, отсутствием лишних слов, не несущих информации, отсутствием многословия и лишних, неуместных мыслей. Ошибкой является многословие: *Подсудимый был в совершенно нетрезвом состоянии или Иванов всякий отзывается только положительно на просьбы своих соседей, где они живут вместе.*

Краткость должна сочетаться с эмоциональностью и экспрессивностью. Эмоции вызывает сам материал юридической речи. Синонимы становятся источником эмоциональности и выразительности речи, если употреблять их с особым стилистическим заданием. Нередко в тексте используется одновременно несколько синонимов. В этом случае они получают определенную стилистическую нагрузку. Однако порою новые синонимы в речи ничего не добавляют к сказанному. Например: *Нарушение правил пользования газом приводит к беде, несчастью, к драматическим последствиям и трагическим случаям.* Такое употребление синонимов свидетельствует о неумении точно выразить мысль.

Ценным качеством речи является индивидуальность – умение говорить о самых знакомых фактах своими словами, не употребляя речевых штампов. Нередко в процессуальных актах употребляются неудачные штампы вместо клише, например: *«уголовное дело производством прекращено»* вместо *«производство уголовного дела прекращено»* или *«отложить дело слушанием»* вместо *«отложить слушание дела»*.

Речь юриста, обладающая всеми названными качествами, воспринимается как воздействующая. Только при этом условии она может выполнять свою высокую общественную функцию.

Таким образом, речь занимает особое место в профессиональной деятельности юриста. Ведь юрист – это правовед. А право – это совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и выражающих волю государства. Формируя и формулируя правовые нормы, охраняя их в различных многочисленных процессуальных актах, юрист должен безупречно владеть нормами языка и охранять их. Юристу особенно важно обладать языковым вкусом, так как основной инструмент в его работе – слово, которое он несет людям. Ему необходимо различать такие явления, как клише и штампы, и использовать слова и юридические формулировки обдуманно, тем самым повышать качество и воспитательное значение процессуальных актов и своей речи.

Таким образом, характерными особенностями профессиональной речи юриста является, прежде всего, умелое использование терминов и профессионализмов, соблюдение таких качеств, как правильность (соблюдение литературных норм), логичность, уместность, точность, лаконичность, ясность, оперирование воздействующими языковыми средствами. Вместе с тем, нередко в речи юристов встречаются нарушения норм литературного языка, употребление лексических единиц и конструкций, не свойственных официально-деловому стилю, подстилем которого является юридический стиль.

Выводы по главе I

Первая глава «Теоретические основы исследования социолектов в русском языке» была посвящена рассмотрению понятия и признаков социолекта, специфики профессиональной речи юриста, лингвистических аспектов исследования профессиональной речи юриста.

По результатам теоретической части работы мы сделали следующие **выводы**:

1. Под социолектами понимается разновидность языка, характеризующаяся её использованием в пределах определённой социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной.
2. Профессиональная речь юристов рассматривается нами как совокупность терминов и профессионализмов, номинирующих понятия данной сферы и составляющих основу профессионального социолекта юристов.
3. Профессиональная речь юристов рассматривается как особый вид социолекта – юридический социолект, в котором обнаруживаются такие специфические черты функционирования языка, которые отличаются не только количественно-экстенсивными функциональными особенностями, но и обусловленными юридической сферой глубокими качественными изменениями естественного языка. Это становится очевидным при осмыслении особенностей профессиональной речи юристов.
4. Речь занимает особое место в профессиональной деятельности юриста: формируя и формулируя правовые нормы, охраняя их в различных многочисленных процессуальных актах, юрист должен безупречно владеть нормами языка и охранять их. Качество, воспитательное значение процессуальных актов и профессиональной речи юристов зависят от умений различать

клише и штампы, обдуманно использовать слова и юридические формулировки.

5. Характерными особенностями профессиональной речи юриста является, прежде всего, умелое использование терминов и профессионализмов, штампов и языковых клише, соблюдение таких качеств, как правильность (соблюдение литературных норм), логичность, уместность, точность, лаконичность, ясность, оперирование воздействующими языковыми средствами. Однако в речи юристов встречаются нарушения норм литературного языка, употребление лексических единиц и конструкций, не свойственных официально-деловому стилю, подстилем которого и является юридический стиль.

Глава II. Специфика профессионального социолекта юристов

2.1. Состав социолекта юристов

В речи юристов, как и у представителей любой другой профессии, есть языковые особенности, которые отличают данный вид социолекта от остальных. Например, у юристов есть свой сленг, к которому они обращаются или с целью сокращения длинных сложных обозначений, или для придания уменьшительно-ласкательных форм различным правовым терминам. Нередко в речи специалистов в области права термины используются с эмоциональной окраской, как, например, глаголы *засилить* и *просудить*.

Профессиональная речь юристов представлена терминами, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами, сленгом, заимствованиями из уголовного жаргона. Эти понятия необходимо различать, однако различие, например, между профессионализмами и профессиональными жаргонизмами довольно условно, и провести жесткую границу между ними практически невозможно, т.к. критерием разграничения является не наличие/отсутствие, а степень экспрессивности. В этой связи вполне объясним тот факт, что одни и те же слова могут быть отнесены к обеим названным группам.

Вероятнее всего разный смысл в данные понятия может вкладываться и в зависимости от контекста. Так, анализируя профессиональную речь юриста, мы оцениваем используемые им лексические единицы с точки зрения критериев официальный/неофициальный, нейтральный/экспрессивный, т.е. фактически противопоставляем термины и нетермины. Обозначение «профессиональные жаргонизмы» в этом случае оказывается более подходящим, т.к. усиливает искомое отличие по сравнению с нейтральным «профессионализм». И, наоборот, в коммуникативной ситуации, не связанной с профессиональной

деятельностью, все слова и выражения, «выдающие» в говорящем представителя определенной профессии, воспринимаются как профессионализмы. Здесь определяющее значение имеет не степень экспрессивности и не факт использования слова в прямом либо переносном значении, а то, что: а) эти слова употребляются человеком потому, что он вращается в среде, где они всем понятны; б) использование этих слов в непрофессиональной сфере не является нормой литературного русского языка. В зависимости от контекста, неуместно произнесенные официальные термины могут приобретать эмоциональную окраску и звучать не менее комично, чем экспрессивные жаргонизмы.

Таким образом, если, рассматривая профессиональную речь юриста, мы постепенно «сокращаем фокусное расстояние», то сначала профессионализмы предстают как обобщающее наименование всех слов, связанных с юридической деятельностью, по мере приближения эти слова дифференцируются на термины и их заменители профессионализмы, а при самом ближайшем рассмотрении число профессионализмов сокращается до довольно узкой прослойки между строгими терминами и просторечными жаргонизмами.

Можно, вероятно, говорить и об определенной функциональной дифференциации, существующей между профессионализмами и профессиональным жаргоном.

У профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий стремится сократить громоздкую формулировку термина, т.к. в кругу специалистов и так всем понятно, о чем идет речь. Эмоциональная окраска в данном случае возможна, но не является ни обязательным, ни определяющим признаком (сравн.: *«Вышка засилила решение»* и *«Высший арбитражный суд признал законность и обоснованность решения нижестоящего суда»*; *«гепехаиник»* и *«лицо, работающее по ГПХ – договору гражданско-правового характера»*).

Профессиональный жаргон, помимо этого, выполняет функцию эмоциональной разрядки. Юмор, цинизм, грубость придают словам экспрессию, позволяющую «раскрасить» сухой официальный язык. В том числе и поэтому процент грубых жаргонизмов значительно выше в тех областях профессиональной деятельности, которые связаны с большей эмоциональной, психологической нагрузкой, например, в сфере уголовного процесса. Конечно, это далеко не единственная причина: играют свою роль и общий уровень культуры, и среда общения – близость к преступному миру. Однако, в использовании грубых, циничных, часто нецензурных заменителей профессиональных терминов, безусловно, есть и стремление отстраниться, эмоционально закрыться от чужих страданий (*враг – обвиняемый, терпило – потерпевший, износ – изнасилование, изнасявка – жертва изнасилования*). Здесь можно провести явную аналогию с медицинским профессиональным жаргоном (*лежак – лежачий больной, консервы – больные на консервативном лечении*).

Естественно, жесткого функционального разделения между профессионализмами и жаргонизмами нет. Обе названные функции в той или иной мере присущи каждому из них. Расстановка акцентов лишь позволяет провести границу, хотя бы условную между этими очень близкими явлениями. Есть, однако, и объединяющая их функция – идентификационная. Использование этих слов делает речь профессионала узнаваемой для коллег, помогает отличить «своих». Часто именно эта функция становится причиной не только устойчивости, «живучести» рассматриваемой лексики, но и ее дальнейшего распространения. Например, начинающий юрист, стремясь представить себя полноценным членом профессионального сообщества, копирует внешние признаки его представителей – использует профессиональный сленг, повторяет распространенные в речи юристов ошибки (*осУжденные, прИговор*).

Что касается последних, стоит подчеркнуть, что в этом случае имеет место не столько «тайный язык», сколько обычная неграмотность. Закрепившиеся в силу многократного повторения и обычного в настоящее время пренебрежения к правилам русского языка такие слова и конструкции получают широкое распространение и начинают восприниматься как признак принадлежности к профессиональному сообществу. Здесь, однако, важны два момента:

Во-первых, никакого «зашифрованного знания», дополнительного смысла, непонятого непосвященным в словах типа «осУжденный» нет; других полезных функций (экономии языковых средств или эмоциональной разрядки), в отличие от профессионализмов и жаргонизмов, они не выполняют. Во-вторых, реализация функции идентификации осложняется тем, что само юридическое сообщество далеко не однородно и с точки зрения сферы применения своих профессиональных знаний и с точки зрения уровня общей культуры и образованности, поэтому такие типичные ошибки могут выступать идентификационным признаком лишь применительно к некоторым (и не самым престижным) его слоям.

Зато негативная роль налицо: для неюристов подобные типичные ошибки предстают символом низкого уровня образования профессионального юридического сообщества либо его желания демонстративно игнорировать общепринятые нормы русского литературного языка.

Стоит признать, что данное явление имеет и другие причины. Так, для работников органов следствия, прокуратуры, полиции, т.е. силовых структур, связанных с жестким внутренним подчинением, важным фактором, влияющим на поведение и, в частности, на язык, является корпоративная традиция и особая атмосфера принадлежности к системе. В подобных коллективах, если начальник говорит с ошибкой, то с большой долей

вероятности подчиненные будут повторять ее, не желая противопоставлять себя руководству и коллективу.

Итак, далеко не все негативные явления, встречающиеся в языке права, охватываются понятием «юридический жаргон». По нашему мнению, совершенно не обоснована расширительная трактовка, которую дает этому понятию В.Ю. Туранин.

Анализируя язык нормативно-правовых актов, он объявляет жаргонизмами несколько совершенно различных по своей природе явлений.

Во-первых, в качестве жаргонизмов исследователь рассматривает устойчивые, традиционные для юридического языка словесные конструкции, звучащие неграмотно с литературной точки зрения. В качестве примера приводится употребляемая в уголовном кодексе конструкция *«руководить своими действиями (бездействием)»*. Справедливо критикуя это выражение, с точки зрения логики и правил русского языка, автор предлагает вместо слов *«руководить бездействием»* использовать *«пребывать в бездействии»* [Туранин, 2010]. Однако, в погоне за благозвучностью новый термин искажает смысл старого. Глагол *«пребывать»* не содержит указания на волевой компонент, в то время как *«руководить своим бездействием»* означает *«пребывать в бездействии по собственной воле, осознавая необходимость и возможность совершить определенные действия»*. Кроме того фраза *«лицо не могло руководить своими действиями либо пребывало в бездействии»* значительно длиннее исходной фразы *«лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)»*, что также говорит не в пользу подобного «усовершенствования» устоявшегося термина.

Аналогичным образом к смысловой неточности приводит и предложение заменить выражение *«причиняются последствия»* более грамотным *«наступают последствия»*.

Говоря *«причиняются»*, законодатель указывает на наличие субъекта, по вине которого возникли соответствующие последствия, а слово *«наступают»* никакого указания на причину этих последствий не содержит.

Несложно привести и другие примеры таких выражений: *«отношения по поводу имущества»*, *«возбуждение дела»*, *«прекращение договора»*, *«прекращение юридического лица»*. Во многих подобных ситуациях неудачное, казалось бы, словоупотребление в качестве юридического термина выступает как оптимальный вариант, наиболее кратко и точно отражающий смысл понятия. Проблема в том, что эти выражения, представляя собой юридические конструкции или их элементы, не могут оцениваться исключительно с лингвистической точки зрения. Каждое употребленное в них слово *«разворачивается»* в сознании юриста, образуя сложную смысловую структуру. Все эти формулы необходимо отличать от обычных канцеляризмов – шаблонных оборотов официально-деловой речи (*«осуществление контроля»*, *«достижение возраста»*).

Тем более, не являются они профессиональными жаргонизмами, т.к. не соответствуют никаким их признакам как эмоционально окрашенных разговорных заменителей официальных терминов.

Во-вторых, помимо ситуации, когда сложно подобрать формулировку, точно и лаконично передающую смысл юридического понятия, и получаются конструкции юридически грамотные, но лексически неудачные, возможны и случаи, когда в законодательстве используются выражения, являющиеся спорными, неточными с юридической точки зрения. Подобные выражения исследователи далеко не всегда рассматривают в качестве юридического жаргона. Например, В.Ю.Туранин законодательным жаргонизмом считает словосочетание *«нормы законодательства»* на том основании, что норма – это начальный компонент права, а законодательство состоит из нормативно-правовых актов, их статей и содержащихся в них нормативных предписаний

[Турагин, 2010]. Следовательно, нужно говорить «нормы права» или «предписания законодательства».

С позиции общей теории права, такие уточнения вполне оправданы. Более того, нами значение понятия «нормативно-правовое предписание» неоднократно обосновывалось [Давыдова, 2009; Давыдова, 2003, с. 75-84]. Однако, в части признания термина «нормы законодательства» жаргонизмом согласиться с В.Ю.Турагиным не представляется возможным.

Жаргонизм представляет собой заменитель термина, упрощающий его использование. Схематично употребление жаргонизмов соответствует модели: «для чужих» – правильный вариант (термин), «для своих» – заменитель. Здесь действует логика: «Знаю, как правильно, но скажу проще».

И еще одно разграничение. В языке права и особенно в тексте нормативно-правовых актов следует различать обычный и юридический жаргон. Многочисленные примеры, приводимые в известной статье Н.А.Власенко [Власенко, 2000, с. 264-270], позволяют сделать вывод, что применительно к тексту нормативного акта гораздо большей проблемой является не использование профессиональных юридических жаргонизмов, а употребление просторечной, бытовой и жаргонной лексики, связанной с регулируемой сферой общественных отношений.

Подобная ситуация вполне логична. Юридический жаргон выступает разговорным заменителем официальной правовой терминологии, которая может и должна использоваться в текстах нормативных актов. Для предметов, явлений или процессов, обозначаемых неюридическими жаргонизмами, официального термина-синонима может и не оказаться. Примером могут служить приводимые Н.А. Власенко цитаты из нормативных актов, содержащие просторечные (*а на самом деле, вполне утвердившиеся в языке, общепринятые*) названия крепких спиртных

напитков, изготовленных в домашних условиях (*самогон, чача, брага*), или азартных игр (*рулетка, наперсток*).

Итак, употребление жаргонных и просторечных слов может быть уместным или неуместным, случайным или намеренным – в зависимости от наличия литературных синонимов, степени их распространенности в языке, значимости понятия для соответствующего правового института. При стечении всех указанных обстоятельств, т.е. когда понятие, обозначаемое жаргонизмом, важно для данного правового института, а официальные синонимы этого жаргонизма отсутствуют либо не получили достаточного распространения, жаргонное слово может приобретать статус юридического термина.

Подобное произошло с термином «отмывание денежных средств» и в настоящее время происходит со словом «рейдерство». Можно назвать такие лексические единицы «юридическими терминами-жаргонизмами».

Уже в качестве терминов они приходят (или возвращаются) в профессиональный язык, но не становятся в результате этого профессиональными жаргонизмами. Наоборот, если они таковыми и были ранее, то, будучи закрепленными в нормативно-правовых актах, получив официальный статус, они теряют экспрессивную окраску, ореол «тайного языка» и начинают восприниматься как обычные термины.

Таким образом, профессиональная речь юристов по составу разнообразна: она представлена специальными терминами, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами, сленгом, заимствованиями из уголовного жаргона, просторечной, бытовой и жаргонной лексикой.

2.2. Анализ лексики, входящей в профессиональную речь юристов

Профессиональная речь юристов связана с различными аспектами права, в соответствии с которыми лексические единицы правовой сферы представляют отдельные группы, в которые вошла и лексика из уголовного жаргона, функционирующая в профессиональной речи юристов. Рассмотрим лексику этих групп.

1. Названия правовых отраслей

Одну из групп образуют **названия правовых отраслей**. В эту группу входят подгруппы:

1. **«Процессуальное право»** (например: *балахонник – судья, ВАСя – Высший арбитражный суд, вОБЛа – областной суд, Ксюша – Конституционный Суд*);
2. **«Корпоративное право»** (например: *авианосец – юридическое лицо (ЮЛ) для присоединения юридических лиц (ЮЛов) из других регионов; ВОСА – внеочередное собрание акционеров; ГОСА – годовое собрание акционеров – юридических лиц; летучий голландец – ЮЛ-однодневка*).

В данных группах и специфика аббревиатур, и функционирование названий, обозначающих деятельность того или иного лица и в первичном, прямом значении не имеющих отношения к юридической сфере, обусловлены различными характеристиками. Ср.: *авианосец* – это класс военных кораблей, основной ударной силой которых является палубная авиация. Авианосцы являются высокоманевренными боевыми единицами, позволяющими быстро концентрировать значительные силы в любой точке Мирового Океана. Полагаем, что эти характеристики стали ассоциативным фактором для называния в профессиональной речи юристов юридического лица для присоединения юридических лиц из других регионов авианосцем.

2. Названия юридических профессий

Обширную группу в профессиональной речи юристов представляют **названия юридических профессий**. Сюда вошли следующие названия лиц по профессии: *аблакат*, *адвокат положняковый*, *лойер*, *паралегал* (или *паралигал*), *мёртвые души* (или *подснежники*), *финики*, *фрилайнер*, *хаэр* и др.

Плохого адвоката сами юристы называют не иначе как *аблакат*. В словарях даётся два значения: а) в широком смысле – любой адвокат; б) в узком смысле – плохой адвокат.

Обвиняемый не всегда может позволить себе нанять адвоката. В этом случае ему предоставлен государственный защитник. Такого адвоката называют «адвокат по назначению», а на юридическом сленге – *адвокат положняковый* или *положняк*.

Юристов, специализирующихся на ведении судебных процессов, т.е. судебных юристов называют *литигаторами*. Поэтому, *литигатор* – это не любой адвокат, а только судебный.

В зависимости от специализации в профессиональной речи юристов самих юристов называют, например, *уголовниками* или *разводилами*. Первые специализируются на уголовной практике, а *разводилы* – юристы по разводам.

Рассмотрим другие функционирующие в профессиональной речи юристов названия их профессии:

- *Лойер* – это собственно и есть юрист.
- *Инхаус* – это юрист неюридической организации (завода, парохода, банка, магазина и т.п.).

- **Паралегал/паралигал** (*paralegal*) – а) помощник юриста, человек с неполным юридическим образованием, помогающий профессиональному юристу в работе; б) человек, самостоятельно занимающийся юрпрактикой без юробразования или после «курсов».
- **Мертвые души или подснежники** – это числящиеся, но по факту не работающие юристы. В то же время подснежниками называют и трупы, которые могут быть обнаружены только весной, когда растает снег.

Судебных приставов называют **приставалками**, а юристов-финансистов – **финиками**. Есть профессиональные юристы, которые работают самостоятельно, то есть сам на себя. Их называют **фрилайнерами**. А есть так называемые **черные юристы**, или **черные адвокаты** – юристы, которые работают «по-чёрному», то есть не платят налоги, взносы и т.п.

Стиральная машинка, однодневка, техничка, помойка. Эти варианты используют для названия юридических лиц, которые привлекаются с целью обеспечения деятельности организации, фирмы, компании таким образом, чтобы избежать уплаты налогов.

Митя – эмитент, т.е. юридическое лицо, которое занимается регистрацией и выпуском собственных ценных бумаг, чтобы привлечь деньги в свой бизнес.

3. Названия должностей и специальностей любой сферы деятельности

К юридической сфере имеют отношение лица, работающие в разных областях деятельности. Существуют названия должностей и специальностей общего характера – такие, которые относятся к любой области. В профессиональной речи юристов часто разные должности и профессии

получают усечённую форму или образуются путём аббревиации или сложением основ. Например:

- *дир* – директор
- *гендир* и *гена* – генеральный директор
- *финдир* – финансовый директор
- *минор* – миноритарный акционер
- *физлы* и *физики* – физические лица.
- *юрики* – это юридические лица.
- *бухи* – бухгалтеры и др.

Среди наименований должностей и специальностей встречаются и такие, которые пришли из уголовного жаргона.

4. Названия совершивших преступления и жертв преступления

Для обозначения преступников и жертв преступления используются слова, которые возникли непосредственно в профессиональной речи юристов, и такие, которые были заимствованы из уголовного жаргона. Рассмотрим первые из них.

Анализируя слова предыдущей группы, мы отмечали, что *подснежники* – это юристы, которые являются числящимися в той или иной организации, а по факту не работают в данной организации. В то же время *подснежниками* называют трупы, которые могут быть обнаружены только весной, когда растает снег.

Что касается слов, которые были заимствованы из уголовного жаргона, то их группа достаточно многочисленна. Так, например, *академиком* называют опытного преступника или так называемого авторитета, в связи с чем академик и авторитет в рассматриваемом контексте являются синонимами. Отсюда и употребление слова *академия* для называния тюрьмы

или так называемой в мире преступников воровской школы. *Акробатом* или *форточником* называют вора, который специализируется на пролезании в форточки и краже с верхних этажей.

В рассматриваемую группу вошли и общеупотребительные слова. Например, человека плотного телосложения называют *амбалом*. Это слово арабского происхождения. Амбалами называли силачей. В толковых словарях русского языка уточняется, что данная лексема является просторечной и употребляется для обозначения большого и сильного человека, обычно с примитивным интеллектом. Однако важно заметить, что из языка уголовного жаргона в профессиональную речь юристов пришло выражение «*амбал для отмазки*», которое употребляется в значениях, зафиксированных в «Большой словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Н. Никитиной:

Амбал для отмазки. Жарг. угол. 1. Человек из окружения авторитетного вора, берущий на себя его преступление или притесняющий по его приказу других осуждённых в местах лишения свободы. 2. Вор, переносящий краденые вещи. 3. Носильщик, которого использует вор.

Обвиняемый – это *бандит* или *враг*, а подозреваемый – это *жулик*, *терпило* – потерпевший, *износявка* – жертва изнасилования.

5. Названия документов

Невозможно деятельность любой организации без юридических документов. В юридической сфере документы играют огромное значение, потому что этими документами подкрепляются сделки, в документах фиксируются показания пострадавших и свидетелей и допросы подозреваемых, документы являются источником информации правового характера.

Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, прокуратура, следственный комитет, полиция, уголовно-исполнительные органы, органы государственной безопасности, внешняя разведка, нотариат, таможенные органы – всё это входит в структуру правоохранительных органов. Помогает их работе адвокатура. Следовательно, названий документов в профессиональной речи юристов множество. Проанализируем основные их особенности.

Основной характерной чертой названий документов в юридическом социолекте является образование существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-* иили усечение слова в целях экономии. Например:

- *исполнительный лист – исполняшка;*
- *апелляционная инстанция – апелляшка;*
- *кассационная инстанция – кассашка/кассатка;*
- *доверенность – доверка;*
- *ходатайство – ходуля;*
- *пустая жалоба, поданная для соблюдения сроков обжалования называется летучкой;*
- *жалоба от имени заявителя в ОГВ – пасквиль.*

7. Названия процессов и действий

В данную группу мы включили существительные, словосочетания, глаголы, аббревиатуры, обозначающие различные как действия, процессы, процедуры юридического характера, так и действия, процессы, процедуры, имеющие отношение к другим сферам, но отраженные в профессиональной речи юристов. Например:

- *сз – судебное заседание;*

- *оса* – очередное собрание акционеров
- *судебка* – судебная экспертиза;
- *обезьянство* – это подделка документов;
- *пыль* – отчуждение объекта;
- *регать* – регистрировать;
- *специя* – спецификация;
- *мера по-честному* – обеспечительная обоснованная мера;
- *износ* – изнасилование;
- *баланду травить* – много говорить попусту.

Для обозначения умения говорить на жаргоне в среде преступников употребляются синонимичные слова и выражения *по фене ботать, блатыкатся, наблатоваться*, которые вошли в профессиональную речь юристов.

8. Названия предметов материальной сферы

В эту группу вошли названия предметов, относящихся к сфере повседневности (названия помещений, предметов мебели, денег и др.). Например:

- *микст* – гонорар адвокатов, который был документально не оформлен;
- *нетто* – чистые деньги;
- *аквариум* – камера предварительного заключения;
- *алтарь* – судейский стол.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. У юридических профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий стремится сократить громоздкую формулировку термина, т.к. в кругу специалистов понятно, о чем идет речь. Эмоциональная окраска в данном случае возможна, но не является ни обязательным, ни определяющим признаком (сравн.: *«Вышка засилила решение»* и *«Высший арбитражный суд признал законность и обоснованность решения нижестоящего суда»*; *«генпаханик»* и *«лицо, работающее по ГПХ – договору гражданско-правового характера»*).
2. Профессиональный юридический жаргон выполняет функцию эмоциональной разрядки. Юмор, цинизм, грубость придают словам экспрессию, позволяющую «раскрасить» сухой официальный язык. В том числе и поэтому процент грубых жаргонизмов значительно выше в тех областях профессиональной деятельности, которые связаны с большей эмоциональной, психологической нагрузкой, например, в сфере уголовного процесса. Помимо этого, играют свою роль и общий уровень культуры, и среда общения – близость к преступному миру. Однако в использовании грубых, циничных, часто нецензурных заменителей профессиональных терминов, безусловно, есть и стремление отстраниться, эмоционально закрыться от чужих страданий (*враг – обвиняемый, терпило – потерпевший, износ – изнасилование, изнасявка – жертва изнасилования*).

Выводы по главе II

Во второй главе – «Специальная лексика как основа языковой спецификации профессионального социолекта юристов» – профессиональная речь юристов была рассмотрена как разновидность социолекта, были проанализированы группы лексики, относящиеся к профессиональной речи юристов.

В результате работы над второй главой ВКР мы пришли к следующим **выводам**:

1. Профессиональная речь юристов по составу разнообразна: она представлена специальными терминами, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами, сленгом, заимствованиями из уголовного жаргона, просторечной, бытовой и жаргонной лексикой.
2. Профессиональная речь юристов связана с различными аспектами права, в соответствии с которыми лексические единицы правовой сферы представляют отдельные тематические группы: **«Процессуальное право»** (ср.: *балахонник* – судья, *ВАСя* – Высший арбитражный суд, *вОБЛа* – областной суд, *КСюша* – Конституционный Суд), **«Корпоративное право»** (ср.: *авианосец* – юридическое лицо (ЮЛ) для присоединения юридических лиц (ЮЛов) из других регионов; *ВОСА* – внеочередное собрание акционеров; *ГОСА* – годовое собрание акционеров – юридических лиц; летучий голландец – ЮЛ-однодневка) и др., причем в данных группах и специфика аббревиатур, и функционирование названий, обозначающих деятельность того или иного лица и в первичном, прямом значении не имеющих отношения к юридической сфере, обусловлены различными характеристиками. Ср.: *авианосец* – это класс военных кораблей, основной ударной силой которых является палубная авиация. Авианосцы являются высокоманевренными боевыми единицами, позволяющими быстро концентрировать

значительные силы в любой точке Мирового Океана. Полагаем, что эти характеристики стали ассоциативным фактором для называния в профессиональной речи юристов юридического лица для присоединения юридических лиц из других регионов авианосцем.

3. Обширную группу представляют юридические профессии. Например: *аблакат* – а) в широком смысле – любой адвокат; б) в узком смысле – плохой адвокат; *адвокат положняковый* – адвокат по назначению; *инхаус* – юрист неюридической организации (завода, парохода, банка, магазина и т.п.); *паралегал/паралигал (paralegal)* – а) помощник юриста, человек с неполным юридическим образованием, помогающий профессиональному юристу в работе; б) человек, самостоятельно занимающийся юрпрактикой без юробразования или после «курсов».
4. У юридических профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий стремится сократить громоздкую формулировку термина, т.к. в кругу специалистов понятно, о чем идет речь. Эмоциональная окраска в данном случае возможна, но не является ни обязательным, ни определяющим признаком (сравн.: «*Вышка засилила решение*» и «*Высший арбитражный суд признал законность и обоснованность решения нижестоящего суда*»; «*гепехашиник*» и «*лицо, работающее по ГПХ – договору гражданско-правового характера*»).
5. Профессиональный юридический жаргон выполняет функцию эмоциональной разрядки. Юмор, цинизм, грубость придают словам экспрессию, позволяющую «раскрасить» сухой официальный язык. В том числе и поэтому процент грубых жаргонизмов значительно выше в тех областях профессиональной деятельности, которые связаны с большей эмоциональной, психологической нагрузкой, например, в сфере уголовного процесса. Помимо этого, играют свою роль и общий уровень культуры, и среда общения – близость к

преступному миру. Однако в использовании грубых, циничных, часто нецензурных заменителей профессиональных терминов, безусловно, есть и стремление отстраниться, эмоционально закрыться от чужих страданий (*враг – обвиняемый, терпило – потерпевший, износ – изнасилование, изнасявка – жертва изнасилования*).

Заключение

Целью данной работы было исследование лексики, относящейся к профессиональной речи юристов как к особому социолекту

Первая глава «Теоретические основы исследования социолектов в русском языке» была посвящена рассмотрению понятия и признаков социолекта, специфики профессиональной речи юриста, лингвистических аспектов исследования профессиональной речи юриста.

По результатам теоретической части работы мы сделали следующие **выводы**:

1. Под социолектами понимается разновидность языка, характеризующаяся её использованием в пределах определённой социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной.
2. Профессиональная речь юристов рассматривается нами как совокупность терминов и профессионализмов, номинирующих понятия данной сферы и составляющих основу профессионального социолекта юристов.
3. Профессиональная речь юристов рассматривается как особый вид социолекта – юридический социолект, в котором обнаруживаются такие специфические черты функционирования языка, которые отличаются не только количественно-экстенсивными функциональными особенностями, но и обусловленными юридической сферой глубокими качественными изменениями естественного языка. Это становится очевидным при осмыслении особенностей профессиональной речи юристов.
4. Речь занимает особое место в профессиональной деятельности юриста: формируя и формулируя правовые нормы, охраняя их в различных многочисленных процессуальных актах, юрист должен безупречно владеть нормами языка и охранять их. Качество,

воспитательное значение процессуальных актов и профессиональной речи юристов зависят от умений различать клише и штампы, обдуманно использовать слова и юридические формулировки.

5. Характерными особенностями профессиональной речи юриста является, прежде всего, умелое использование терминов и профессионализмов, штампов и языковых клише, соблюдение таких качеств, как правильность (соблюдение литературных норм), логичность, уместность, точность, лаконичность, ясность, оперирование воздействующими языковыми средствами. Однако в речи юристов встречаются нарушения норм литературного языка, употребление лексических единиц и конструкций, не свойственных официально-деловому стилю, подстилем которого и является юридический стиль.

Во второй главе – «Специальная лексика как основа языковой спецификации профессионального социолекта юристов» – профессиональная речь юристов была рассмотрена как разновидность социолекта, были проанализированы группы лексики, относящиеся к профессиональной речи юристов.

В результате работы над второй главой ВКР мы пришли к следующим **выводам**:

1. Профессиональная речь юристов по составу разнообразна: она представлена специальными терминами, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами, сленгом, заимствованиями из уголовного жаргона, просторечной, бытовой и жаргонной лексикой.
2. Профессиональная речь юристов связана с различными аспектами права, в соответствии с которыми лексические единицы правовой сферы представляют отдельные тематические группы: **«Процессуальное право»** (ср.: балахонник – судья, ВАСя – Высший

арбитражный суд, вОБЛа – областной суд, КСюша – Конституционный Суд), «Корпоративное право» (ср.: авианосец – юридическое лицо (ЮЛ) для присоединения юридических лиц (ЮЛов) из других регионов; *ВОСА* – внеочередное собрание акционеров; *ГОСА* – годовое собрание акционеров – юридических лиц; летучий голландец – ЮЛ-однодневка) и др., причем в данных группах и специфика аббревиатур, и функционирование названий, обозначающих деятельность того или иного лица и в первичном, прямом значении не имеющих отношения к юридической сфере, обусловлены различными характеристиками. Ср.: *авианосец* – это класс военных кораблей, основной ударной силой которых является палубная авиация. Авианосцы являются высокоманевренными боевыми единицами, позволяющими быстро концентрировать значительные силы в любой точке Мирового Океана. Полагаем, что эти характеристики стали ассоциативным фактором для называния в профессиональной речи юристов юридического лица для присоединения юридических лиц из других регионов авианосцем.

3. Обширную группу представляют юридические профессии. Например: *аблакат* – а) в широком смысле – любой адвокат; б) в узком смысле – плохой адвокат; *адвокат положняковый* – адвокат по назначению; *инхаус* – юрист неюридической организации (завода, парохода, банка, магазина и т.п.); *паралегал/паралигал* (paralegal) – а) помощник юриста, человек с неполным юридическим образованием, помогающий профессиональному юристу в работе; б) человек, самостоятельно занимающийся юрпрактикой без юробразования или после «курсов».
4. У юридических профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий стремится сократить громоздкую формулировку термина, т.к. в кругу специалистов понятно, о чем идет речь. Эмоциональная окраска в

данном случае возможна, но не является ни обязательным, ни определяющим признаком (сравн.: *«Вышка засилила решение»* и *«Высший арбитражный суд признал законность и обоснованность решения нижестоящего суда»*; *«гепехашиник»* и *«лицо, работающее по ГПХ – договору гражданско-правового характера»*).

5. Профессиональный юридический жаргон выполняет функцию эмоциональной разрядки. Юмор, цинизм, грубость придают словам экспрессию, позволяющую «раскрасить» сухой официальный язык. В том числе и поэтому процент грубых жаргонизмов значительно выше в тех областях профессиональной деятельности, которые связаны с большей эмоциональной, психологической нагрузкой, например, в сфере уголовного процесса. Помимо этого, играют свою роль и общий уровень культуры, и среда общения – близость к преступному миру. Однако в использовании грубых, циничных, часто нецензурных заменителей профессиональных терминов, безусловно, есть и стремление отстраниться, эмоционально закрыться от чужих страданий (*враг – обвиняемый, терпило – потерпевший, износ – изнасилование, изнасявка – жертва изнасилования*).

Цель в рамках выпускной квалификационной работы, была достигнута.

Литература

1. Аверьянова, М.Ю. Культура речи в профессиональной деятельности юриста / М.Ю. Аверьянов // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи. – 2014. – С. 9-10. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22832670> (дата обращения: 24.01.2022).
2. Александров, Д.Н. Риторика: учебное пособие / Д.Н. Александров. – 3 изд. – М.: Флинта: Наука, 2000. – С. 624.
3. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
4. Алимйрзаева, З.А. Индивидуальная речь будущего юриста как основа реализации профессиональных функций / З.А. Алимйрзаева // Развитие правового сознания в образовательном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, 28 февраля 2014 года, г. Махачкала. – Махачкала: АЛЕФ, 2014. – С. 142-145. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25877024&pff=1> (дата обращения: 28.01.2022).
5. Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 69.
6. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11-58. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/golev-99.htm> (дата обращения: 18.01.2022).
7. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 9-47.

8. Дылыкова, Ц.Д. К вопросу речевой культуры юриста / Ц.Д. Дылыкова // Проблемы гражданского общества и правового государства. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – URL: С. 25-25. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26572243> (дата обращения: 16.01.2022).
9. Ерофеева, Т.И. Социолект: стратификационное исследование: Автореф. дис. ... доктора филологических наук. 10.02.19 – Теория языка. – Санкт-Петербург, 1995. – 357 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsiolekt-stratifikats-issled> (дата обращения: 28.01.2022).
10. Ерофеева, Т.И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века / Т.И. Ерофеева // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
11. Ерофеева, Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т.И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1(7). – С. 21-25.
12. Ивакина, Н.Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – Москва: Норма, 2010. – 448 с.
13. Канафина, М.А. Профессиональная речь юриста / М.А. Канафина // Наука и современность. – 2015. – №36. – С. 154-157. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-rech-yurista> (дата обращения: 03.02.2022).
14. Киракосян, М.Б. Роль языка в профессиональной деятельности юриста / М.Б. Киракосян. – URL: https://revolution.allbest.ru/languages/01075501_0.html (дата обращения: 04.02.2022).
15. Климов, Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. Учебное пособие [для студентов учеб. заведений по направлению и спец. "Психология"] / Е.А. Климов. – Москва: Издательство МГУ, 1995. – 222 с.

16. Крысин, Л.П. Проблема социальной дифференциация языка в современной лингвистике / Л.П. Крысин // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. – С. 73-91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-differentsiatsii-yazyka-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 21.01.2022).
17. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебное пособие / Л.П. Крысин. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с. – URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Совр.%20русский%20язык.%20Лекс.%20семантика.%20Лексиколог._Крысин_2007%20-240с_.pdf (дата обращения: 17.01.2022).
18. Кубиц, Г.В. Профессионализация языковой личности: На примере юридического дискурса: дис... кандидата филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. – Челябинский государственный университет. – Челябинск. – 2005. – 258 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/professionalizatsiya-yazykovoi-lichnosti-na-primere-yuridicheskogo-diskursa> (дата обращения: 02.02.2022).
19. Кузнецов, А.М. Юрислингвистика (Язык и право): Научно-аналитический обзор / А.М. Кузнецов, Л.С. Бурдин, Н.В. Солнцева // РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Редкол.: Кузнецов А.М. (отв.ред.) и др. – М., 2006. – 69 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvistika-yazyk-i-pravo> (дата обращения: 18.01.2022).
20. Лазарева, Н.М. Методические проблемы в определении содержания обучения профессиональной речи юристов / Н.М. Лазарева // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015 – № 2 (5). – С. 162-163. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23892454> (дата обращения: 23.01.2022).

21. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Психология" / А.А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – Москва: Academia: Смысл, 2005. – 287 с.
22. Мокиенко, В.М. Социолекты в зеркале лексикографии / В.М. Мокиенко // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 76 – 93. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolekty-v-zerkale-leksikografii> (дата обращения: 28.01.2022).
23. Мокиенко, В.М. Славянские социолекты в прошлом и настоящем / В.М. Мокиенко // Славянский мир: общность и многообразие. – 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanskie-sotsiolekty-v-proshlom-i-nastoyaschem> (дата обращения: 28.01.2022).
24. Перепечкина, С.В. Социолект преподавателя Германии: понятие и фоностилистические особенности / С.В. Перепечкина // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 19. – С. 55-59. – URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/90262> (дата обращения: 18.01.2021).
25. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2005. – 479 с.
26. Польская, С.С. Структура и функционирование профессионального социолекта (на материале английского языка): Автореферат диссертации... канд. филологических наук: 10.02.19 – Теория языка / Польская Светлана Сергеевна. – Институте языкознания РАН. – Москва, 2011. – 24 с. – URL: <https://iling-ran.ru/avtoreferats/polskaya/polskaya.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
27. Пороховщиков, П.С. Искусство речи на суде / П.С. Пороховщиков. – Изд-во: «Автограф», 2000. – 320 с.
28. Поснова, Е.Н. Специальная лексика, ее функции и особенности / Е.Н. Поснова // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2012. – № 1. – С. 168-172. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-leksika-ee-funktsii-i-osobnosti> (дата обращения: 10.02.2022).
- 29.Поснова, Е.Н. Многомерная система употребления лексики современного языка / Е.Н. Поснова // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты.* – 2012. – № 1. – С. 165-168. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogomernaya-sistema-upotrebleniya-leksiki-sovremennogo-yazyka> (дата обращения: 11.02.2022).
- 30.Рахманова, Л.И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология (3-е издание): учебник для студентов вузов / Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. – Москва: Аспект Пресс, 2011. – 464 с. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/57076.html> (дата обращения: 20.02.2022).
- 31.Романова, Н.Н. Стилистика и стили: учеб. пособие. / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2012. – 416 с.
- 32.Руднев, В.Н. Культура речи юриста: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Н. Руднев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 190 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/393130> (дата обращения: 23.01.2022).
- 33.Русский язык и культура речи: учебник для бакалавров / под общ. ред. В.Д. Черняк. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 493 с.
- 34.Рюмин, Р.В. Формирование русской социолектной лексикографии как самостоятельной отрасли языкознания и ее современное состояние / Р.В. Рюмин // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета.* – 2010. – С. 195-202. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-russkoy-sotsiolektnoy-leksikografii-kak-samostoyatelnoy-otrasli-yazykoznaniiya-i-ee-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 10.02.2021).
- 35.Рюмин, Р.В. Разговорная лексика в социолектной лексикографии / Р.В. Рюмин // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* – 2008. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/razgovornaya-leksika-v-sotsiolektnoy-leksikografii> (дата обращения: 10.02.2021).
36. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич; предисловие Г.М. Резника. – М. Издательство Юрайт, 2017. – 395 с. – URL: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/259/2583837.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
37. Суюмбаева, Дж. А., Перепелицына, Ю.Р. Лексические особенности официально-делового стиля в речи юриста / Дж.А. Суюмбаева, Ю.Р. Перепелицына // Academy. – С. 62-65. – URL: <https://b1.cooksy.ru/articles/leksicheskie-osobennosti-rechi-yurista/> (дата обращения: 04.02.2022).
38. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 24-32.
39. Тарасов, Е.Ф. К построению теории межкультурного общения / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва: Институт языкознания РАН, 1998. – С. 30-34.
40. Тарланов, З.К. Юридическая лингвистика: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / З. К. Тарланов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 180 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/442182> (дата обращения: 12.02.2022).
41. Харченко, Е.В. Социолект как средство межкультурной коммуникации / Е.В. Харченко // Филологические заметки. – 2017. – С. 124-135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolekt-kak-sredstvo-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 26.01.2022).
42. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.
43. Чурсина, Г.В. Основы профессиональной речи юриста / Г.В. Чурсина // Актуальные проблемы социально-экономической политики на

- современном этапе. – Краснодар: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2015. – URL: С. 33-36. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23732305> (дата обращения: 23.01.2022).
44. Чуфаровский, Ю.В. Юридическая психология: Учебник / Ю.В. Чуфаровский. – 2. изд., испр. и доп. – М.: Юриспруденция, 2000. – 333 с.
45. Юдина, Е.В. Юридическая психология: Учеб. пособие / Е.В. Юдина / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2011. – 206 с.
46. Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – 184 с.
47. Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – 272 с.
48. Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. – Барнаул, 2001. – 207 с.
49. Юрислингвистика-4: Юрислингвистические дисциплины на юридических и филологических факультетах российских вузов. – Барнаул, 2002. – 196 с.
50. Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул, 2003. – 238 с.
51. Юрислингвистика-6: Язык, право и СМИ. – Барнаул, 2004. – 215 с.
52. Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов /под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 452с.

Словари

53. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея», 2002. – 1628 с.

- 54.Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия. – URL:
https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SKAZKA.html
(дата обращения: 11.11.2021).
- 55.Современная энциклопедия. – 2000. – URL:
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/43786>.
- 56.Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. – М.:
Астрель: АСТ, 2000. – 1499 с.
- 57.Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 1949-1992.